

Александр Долинин (Мэдисон)

ПУШКИН И ВИКТОР ФОНТАНЬЕ*

У Виктора Фонтанье, второразрядного французского дипломата и автора нескольких травелогов, большие заслуги перед русской литературой. Если верить Пушкину, то именно книге Фонтанье «Путешествия на Восток» (1834) мы обязаны появлением «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» (далее ПВА). Вот что писал Пушкин в предисловии к своим «путевым запискам»:

Недавно попалась мне в руки книга, напечатанная в Париже в прошлом 1834 году под названием: *Voyages en Orient entrepris par ordre du Gouvernement Français*. Автор, по-своему описывая поход 1829 года, оканчивает свои рассуждения следующими словами: *Un poète distingué par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été témoin non le sujet d'un poème, mais celui d'une satire.*

Из поэтов, бывших в турецком походе, знал я только об А.С. Хомякове и об А. Н. Муравьеве. Оба находились в армии графа Дибича. Первый написал в то время несколько прекрасных лирических стихотворений, второй обдумывал свое путешествие к святым местам, произведшее столь сильное впечатление. Но я не читал никакой сатиры на Арзрумский поход. Никак бы я не мог подумать, что дело здесь идет обо мне, если бы в той самой книге не нашел я своего имени между именами генералов отдельного Кавказского корпуса. *Parmi les chefs qui la commandaient (l'armée du Prince Paskewitch) on distinguait le Général Mouravief... le Prince Géorgien Tsitsevaze... le Prince Arménien Beboutof... le Prince Potemkine, le Général Raiewsky, et enfin — M. Pouchkine... qui avait quitté la capitale pour chanter les exploits de ses compatriotes.* Признаюсь: эти строки французского путешественника, не смотря на лестные эпитеты, были мне гораздо досаднее, нежели брань русских журналов. *Искать вдохновения* всегда казалось мне смешной и нелепой причудой: вдохновения не сыщешь; оно само должно найти поэта. Приехать на войну с тем, чтобы воспевать будущие подвиги, было бы для меня с одной стороны слишком самолюбиво, а с другой слишком непристойно. Я не вмешиваюсь в военные суждения. Это не мое дело. Может быть, смелый переход через Саган-Лу, движе-

* Я сердечно благодарю А.Л. Осповата, чьи советы и замечания помогли мне в работе над статьей.

ние, коим граф Паскевич отрезал Сераскира от Осман-Паши, поражение двух неприятельских корпусов в течение одних суток, быстрый поход к Арзруму, всё это, увенчанное полным успехом, может быть, и чрезвычайно достойно посмеяния в глазах военных людей (каковы, например, г. купеческий консул Фонтанье, автор путешествия на Восток): но я устыдился бы писать сатиры на прославленного полководца, ласково принявшего меня под сень своего шатра и находившего время посреди своих великих забот оказывать мне лестное внимание. Человек, не имеющий нужды в покровительстве сильных, дорожит их радушием и гостеприимством, ибо иного от них не может и требовать. Обвинение в неблагодарности не должно быть оставлено без возражения, как ничтожная критика или литературная брань. Вот почему решился я напечатать это предисловие и выдать свои путевые записки как *всё*, что мною было написано о походе 1829 года (VIII, 443—444¹).

Ю.Н. Тынянов, исследовавший «Путешествия на Восток» Фонтанье, пришел к заключению, что негодование Пушкина было полностью оправданным. «В этой книге, резко направленной против восточной политики Николая I с точки зрения французских колониальных интересов, — писал он, — содержится упоминание о Пушкине с иронией по адресу “бардов, находящихся в свите”; наконец, в той же главе содержится упоминание и о “сюжете не поэмы, но сатиры”, который нашел на войне выдающийся поэт. <...> Во всяком случае, обвинение было столь веско, что вынуждало “Предисловие” и опубликование *всего* (курсив Пушкина), что им “было написано о походе 1829 года”»². По предположению Тынянова, говоря о некоей сатире Пушкина, Фонтанье, возможно, имел в виду его поэтические отклики на военные события 1829 года — стихотворения «Из Гафиза», «Делибаш» и «Олегов щит», которые сам исследователь считал «маленькой сатирической трилогией»³.

¹ Здесь и далее все ссылки на произведения Пушкина даются по академическому изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, 1837—1937: В 16 т. М.; Л., 1937—1959, с указанием тома римской цифрой и страницы — арабской.

² Тынянов Ю.Н. О «Путешествии в Арзрум» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. [Вып.] 2. С. 63—64. См. также статью Тынянова «Фонтанье» в «Путеводителе по Пушкину» (М.; Л., 1931. С. 361) и его комментарии к ПВА: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в шести томах / Под ред. М.А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 4. С. 784—787.

³ Тынянов Ю.Н. О «Путешествии в Арзрум». С. 59—61, 64. Тынянов ссылается на работу Н.И. Черняева, который признался, что не видел книгу Фонтанье, но тем не менее предположил, что последний, говоря о сатире Пушкина, намекает на «Олегов щит» (см.: Черняев Н.И. «Олегов щит» // Черняев Н.И.

Авторитет Тынянова был столь высок, что после него непосредственно к книге Фонтанье никто не обращался. Все без исключения исследователи цитируют не сами «Путешествия на Восток», а пушкинские и тыняновские выдержки из них, не сомневаясь в том, что Фонтанье действительно поставил Пушкина в крайне неловкое положение, назвав его «бардом» в свите Паскевича и в то же время представив автором сатиры на «прославленного полковнца». «Замечания Фонтанье, — пишет, например, В.Э. Вацуро, — были оскорбительны там, где автор говорил о намерении Пушкина стать чьим-то бардом; в остальном они выглядели для Пушкина прямой провокацией, тем более что содержали зерно истины»⁴. Примерно так же трактует пушкинскую реакцию и Я. Левкович, называя выводы Тынянова безусловными. По ее утверждению, «Пушкин был задет ироническим упоминанием Фонтанье о “бардах, находящихся в свите” Паскевича, и счел необходимым парировать высказывание Фонтанье, что поэт нашел в Арзрумском походе “сюжет не поэмы, а сатиры”»⁵.

При сравнении предисловия к ПВА с соответствующей главой «Путешествий на Восток» (XVIII: «Русская кампания в Азиатской Турции») обнаруживается, однако, что пушкинская интерпретация двух замечаний Фонтанье более проблематична, чем принято считать. Прежде всего следует заметить, что Пушкин цитирует эти замечания в обратном порядке и искажает их контекст. Фонтанье упоминает Пушкина, «самого известного из русских поэтов», в начале рассказа о войне 1828—1829 годов, представляя читателям армии противников:

Le général en chef prince Paskevitch n'avait pas, s'il faut en croire la voix publique, de grands talents militaires, mais un admirable sang-froid, une tenacité à toute épreuve et une rare intrépidité. Son armée <...> comptait à peine quinze mille homme disponible; parmi les chefs qui la commandaient on distinguait le général Mouravieff, auteur du *Voyage à Khiva*, qui connaissait parfaitement les mahométans dont il avait

Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900. С. 354). Убедительное опровержение трактовки «Олегова щита» как сатиры см. в работе: *Лейбов Р., Основат А.* Сюжет и жанр стихотворения Пушкина «Олегов щит» // Пушкинские чтения в Тарту 4: Пушкинская эпоха. Проблемы рефлексии и комментария: Материалы международной конференции. Тарту, 2007. С. 71—88. Мысль Тынянова о сатирической направленности двух других частей «трилогии» также представляется спорной.

⁴ Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины». Очерки о книгах и прессе пушкинской поры / Изд. второе, дополненное. М., 1986. С. 191.

⁵ Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988.

appris toutes les langues; le prince géorgien Tsitsevazé [sic!], ancien page de l'empereur Alexandre, et l'un des officiers les plus instruits et plus aimable de l'armée russe; le prince arménien Beboutoff, puis de grands seigneurs appartenants aux premières familles de l'Empire: le prince Potemkin, le généralé Raiewsky, et enfin le plus célèbre des poètes russes, M. Pouchkin, qui avait quitté la capitale pour chanter les exploits de ses compatriots.

Les Turcs n'avaient point de bardes à leur suite; mais ils firent prêcher dans toutes les mosquées la guerre contre les infidèles, et toutes les hordes de l'Asie se rassemblèrent...⁶

[Главнокомандующий, князь Паскевич, если верить общественному мнению, не имел больших военных талантов, но обладал замечательным хладнокровием, непоколебимым упорством и редкой отвагой. Его армия <...> насчитывала не более пятнадцати тысяч солдат; среди начальников, командовавших ею, выделялись генерал Муравьев, автор «Путешествия в Хиву», который прекрасно знал магометан и владел всеми их языками; грузинский князь Чичевадзе [sic!], в прошлом паж императора Александра и один из наиболее образованных и любезных офицеров русской армии; армянский князь Бебутов, затем, из аристократов, принадлежащих к первейшим фамилиям империи: князь Потемкин, генерал Раевский и, наконец, самый известный из русских поэтов, г. Пушкин, который покинул столицу, чтобы воспеть подвиги своих соотечественников.

У турок в свите бардов не было, но они начали проповедовать во всех мечетях войну против неверных, и к ним собрались все азиатские орды...]

Затем Фонтанье описывает ход военных действий, подчеркивая, что победы, за немногочисленными исключениями, дались русским очень легко, потому что турки не оказали им достойного сопротивления и даже не сумели воспользоваться просчетами Паскевича. В конце главы автор подводит итоги:

Tel est le résumé de la campagne des Russes en Asie: je l'ai fait avec impartialité après avoir entendu et les Turcs qui y ont pris part, et les officiers de l'armée moscovite. Ce résumé ne ressemble guère, je le sais,

⁶ Fontanier V. Voyages en Orient, entrepris par ordre du Gouvernement Français, de 1830 à 1833. Deuxième voyage en Anatolie. Paris, 1834. P. 240—241. Книга сохранилась в библиотеке Пушкина. См.: Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина (Библиографическое описание) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. IX/X. С. 233—234. № 920 (далее в ссылках: Библиотека Пушкина).

aux brillans rapports qui nous sont parvenus il y a quelque années; mais ces rapports ont été, pour les officiers instruits, un texte inépuisable de moquerie; et un poète distingué par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été témoin, non le sujet d'un poème, mais celui d'une satire. Un général fort spirituel, fatigué de l'énumération de prises que chaque bulletin portait, s'empara un jour de dix boeufs qu'il envoya au quartier-général, et écrivit au maréchal Paskewitch en avoir pris cinq cents; ils furent inscrits sur le rapport officiel; mais le maréchal ne les voyant par arriver, demanda ce qu'ils étaient devenus. «Maréchal, répondit le mystificateur, les boeufs que nous prenons dans ce pays sont tous de même qualité, si gras qu'ils fondent en chemin». On sait qu'en Turquie le premier venu qui possède quelque argent loue des hommes d'armes et porte un signal qui se nomme *bairac*; la quantité en est ennombrable dans les armées turques. Le prince Paskewitch donnait à tout ces *bairacs* le nom de drapeau; à toute heure du jour et de la nuit il était prêt à recevoir et à récompenser ceux qui lui en apportaient. Pui il fit un paquet de ces sales guenilles, et les consacra aux dieux immortels. On fit à Pétersbourg des réjouissances et on chanta un *Te Deum* à propos d'une bataille dans laquelle quatre coups de canon et douze coups de fusil avaient été tirés. On comprend qu'avec une telle disposition d'esprit, on traduise en combats de géans une campagne pendant laquelle l'armée russe était si peu inquiétée, qu'elle voyageait comme une caravan... Le plus grande fatigue qu'elle éprouva fut causée par un médecin qui empêchait les soldats de boire avant d'avoir analysé l'eau des fontaines, parce qu'elle aurait pu être empoisonnée, et qui leur avait imposé une manoeuvre particulière pour les garantir de la peste. Pour cela, on les faisait mettre en ligne, et à un commandement donné, tout se déshabillaient à la fois; puis, tous à la fois tiraient la langue, et enfin se frappaient vigoureusement aux aines et sous les aisselles. Le spectacle que présente une armée qui se livre à ces exercices m'a été cité comme fort grotesque. J'ignore si on pourrait en faire l'expérience sur nos soldats⁷.

[Таков мой краткий отчет о русской кампании в Азии: он составлен беспристрастно, по свидетельствам как ее участников с турецкой стороны, так и офицеров русской армии. Я знаю, что этот отчет совсем не похож на блистательные реляции, которые известны нам вот уже несколько лет; но для осведомленных офицеров реляции эти составляли неистощимый предмет насмешек; и один поэт, отличающийся воображением, нашел в столь многих подвигах, свидетелем которых он был, не сюжет поэмы, а сюжет сатиры. Один весьма остроумный генерал, которому надоели перечисления трофеев в каждой реляции, однажды, захватив десять волов,

⁷ Fontanier V. Voyages en Orient, entrepris par ordre du Gouvernement Français, de 1830 à 1833. P. 251—253.

отправил их генералу-квартирмейстеру и написал маршалу Паскевичу, что захватил пятьсот; эта цифра была включена в официальный рапорт, но маршал, не дождавшись прибытия стада, спросил, куда подевались воны. «Маршал, — ответил мистификатор, — все воны, которых мы захватываем в этой стране, имеют одно качество: они настолько жирны, что тают по дороге». Известно, что в Турции первый встречный, у которого заводятся какие-то деньги, нанимает вооруженных людей и носит флажок, называемый *байрак*; в турецкой армии таковых великое множество. Князь Паскевич присвоил этим *байракам* имя боевых знамен; в любое время дня и ночи он был готов принимать и вознаграждать тех, кто доставлял ему эти регалии. Затем он собрал сии грязные тряпки в одну кучу и посвятил их бессмертным богам. В Петербурге устраивали празднества и пели *Te Deum* по случаю сражения, в котором четыре раза выстрелили из пушки и дюжину раз из ружей. Понятно, что, находясь в подобном расположении духа, русские претворили в грандиозные битвы кампанию, в ходе которой их армию так мало беспокоили, что она передвигалась словно караван... Самое большое неудобство, которое русским пришлось испытать, доставил им какой-то лекарь, запретивший солдатам пить воду из источников, пока он не сделает ее анализ, потому что она может быть отравлена, и подвергший их особой процедуре, дабы предохранить от чумы. Для этого он приказал им выстроиться в линию и по команде раздеться догола; затем все должны были одновременно высунуть язык и с силой хлопать себя между ног и под мышками. Мне рассказывали, что армия, предававшаяся таким упражнениям, представляла собой весьма гротескное зрелище. Не знаю, стоит ли перенимать этот опыт нашим солдатам.]

Пушкин, надо полагать, читал главу о русско-турецкой войне в Азии с большим вниманием и потому должен был понять, что замечание Фонтанье о поэте к нему не относится. На это указывает прежде всего неопределенный артикль перед словом «poète» (то есть речь не идет о «самом известном из русских поэтов», упомянутом выше), а также ближайший контекст, из которого следует, что безымянный автор сатиры принадлежал к числу «осведомленных офицеров», насмехавшихся над официальными реляциями о военных победах. Едва ли Пушкин принял на свой счет определение «distingué par son imagination» — ведь оно значит отнюдь не «выдающийся», как перевел его Гынянов, а всего-навсего «отличающийся воображением» (иначе — фантазер) и, следовательно, может быть адресовано любому стихотворцу. Правда, Пушкин использует аргумент «Если не я, то кто же?», утверждая, что ему неизвестны другие поэты, бывшие в арзрумском походе, но и здесь

он лукавит. В последних сражениях кампании участвовал А. Бестужев, ненавидевший Паскевича и, по воспоминаниям Я.И. Костенецкого, мечтавший «пошатнуть пьедестал, на который поставил его случай»⁸. Известным грузинским поэтом был князь Александр Чавчавадзе, упомянутый Фонтанье среди участников войны⁹. Сам Пушкин в ПВА называет молодого офицера М.В. Юзефовича, с которым он познакомился в действующей армии, «поэт Ю.»¹⁰, и таких поэтов-дилетантов, почти (или совсем) не печатавших своих стихов, служило под началом Паскевича, наверное, немало. Одним из них, кстати, был брат Пушкина Лев, чьи сочинения, за исключением нескольких, по слову Вяземского, «стихотворных нескромностей»¹¹, до нас не дошли, хотя, как вспоминал декабрист Н.И. Лорер, подружившийся с Л.С. Пушкиным на Кавказе в 1830-е годы, «много написал он хороших стихотворений»¹².

Во время русско-турецкой войны Фонтанье жил во Франции, где в 1829 году вышла его первая книга путешествий по Востоку, принесящая ему большой успех и назначение консулом в турецкий портовый город Трапезунд. Туда он прибыл осенью 1830 года и, как он сам признается, знал об арзрумской кампании только понаслышке, из рассказов своих знакомых. В книге Фонтанье есть беглое упоминание о том, что в Трапезунд из Тифлиса с разными поручениями от главноуправляющего Грузией и Закавказским краем (этот пост в 1830—1834 годах последовательно занимали граф И.Ф. Паскевич, генерал Н.П. Панкратьев и генерал Г.В. Розен) время от времени приезжали русские офицеры¹³. По всей вероятности, именно они и были основными русскими информантами французского консула.

Среди офицеров, служивших на Кавказе в начале 1830-х годов, многие относились к Паскевичу весьма враждебно. Об этом вспоминает Я.И. Костенецкий, в 1832 году сосланный рядовым на Кавказ за участие в оппозиционном студенческом кружке:

⁸ <Костецкий Я.И.> А.А. Бестужев-Марлинский (Из воспоминаний Я.И. Костенецкого) // Русская старина. 1900. Т. 104. С. 450.

⁹ В одном из черновых вариантов предисловия к ПВА Пушкин исправил неверную транскрипцию фамилии князя у Фонтанье на «Чавчавадзе» (VIII: 2, 1025).

¹⁰ См. о нем: Цявловская Т.Г. Поэт Ю. в «Путешествии в Арзрум» // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. I. С. 351—356.

¹¹ Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. СПб., 1883. Т. VIII: Старая записная книжка. С. 237.

¹² Записки декабриста Н.И. Лорера. М., 1931. С. 197.

¹³ Fontanier V. Voyages en Orient, entrepris par ordre du Gouvernement Français, de 1830 à 1833. P. 203.

Когда я прибыл на Кавказ, меня необыкновенно удивило то очень невыгодное мнение о князе Паскевиче, какое имели о нем все знавшие его офицеры, которое было совершенно противоположно тому, какое составилось в России об этом полководце, по газетным известиям о его подвигах. Паскевича считали виновником удаления с Кавказа Ермолова; поэтому все те, которые любили этого незабвенного военачальника <...> уже не были расположены к Паскевичу. <...> С тем вместе Паскевич не расположил к себе всех, бывших сосланными на Кавказ, декабристов, на которых он взглянул не сострадательным, а начальническим оком¹⁴.

Еще до Костенецкого в Тифлис прибыл на службу барон Ф.Ф. Торнау, далеко не оппозиционер. В своих мемуарах он рассказывает, как его вводил в курс кавказских дел артиллерийский офицер, капитан Пикалов (ум. 1834), прослуживший до этого пять лет в штабе Кавказского корпуса. Хотя Торнау не упоминает Паскевича по имени, нет никаких сомнений в том, что именно его в первую очередь «разоблачал» кавказский ветеран:

Наслышавшись петербургских и московских общественных суждений насчет многих лиц занимавших на Кавказе видное положение, я привез с собой готовое мнение о их геройстве и высоких умственных достоинствах и, признаться, приходил в сомнение, когда Пикалов начинал того или другого из их среды разоблачать перед моими глазами. О Цицианове, Ермолове, Котляревском, Вельяминове, Сакене, Вольховском и о многих других, даже менее замечательных людях, он относился с глубоким уважением. И прочим знаменитостям он отдавал, в чем следовало, полную справедливость, но говорил о них без восторга и охлаждал мой собственный жар удивления, раскрывая существенное значение их подвигов и их истинный характер. На мои возражения он отвечал обыкновенно рассказом одного или нескольких происшествий, называя живых свидетелей... Случалось, глубоко разочарованный, я узнавал в моем герое человека весьма обыкновенных способностей или, еще хуже, открывал на нем личину поддельной гениальности, которая нередко успевает поработить общественное мнение в ущерб государственной и народной пользе. И не удивительно: хитрость — вместо ума, тупое упрямство — на место твердой воли, сердечная пустота — вместо силы душевной, слишком часто принимаются за проявление гения, если личность, одаренная этими отрицательными качествами, умеет действовать обая-

¹⁴ Бестужев (Марлинский) А.А. (Из воспоминаний Я.И. Костенецкого). С. 450.

тельно на самолюбие людей, или поражать их своею самонадеянностью¹⁵.

В дружеском кругу «кавказских старожилов» должны были иметь хождение анекдоты о «подвигах» Паскевича во время русско-турецкой войны вроде тех, которые передает Фонтанье, в том числе, наверное, и зарифмованные. Вполне вероятно, что Пушкин знал о существовании подобных «сатир» или, во всяком случае, подозревал, что до Фонтанье дошла более или менее правдивая информация о каких-то реальных стихах. В таком случае он мог опасаться, что ему припишут «сатиру на прославленного полководца», если она получит огласку и станет предметом официального расследования. Тогда его стратагема — сначала переадресовать туманное сообщение Фонтанье самому себе, а затем дезавуировать его как клевету — имела предупредительный характер. Это угадал Н.И. Черняев, полагавший, что предисловием к ПВА Пушкин «хотел обеспечить себя от инсинуаций и выходов своих недоброжелателей, которые готовы были воспользоваться всяким случаем, чтобы очернить его в глазах Императора Николая Павловича и восстановить против него графа Паскевича и других сановников государства»¹⁶.

По-видимому, «военной хитростью» явилась и намеренно преувеличенная реакция Пушкина на замечание Фонтанье о том, что он поехал в армию, «чтобы воспеть подвиги своих соотечественников». Вопреки мнению Тынянова и других исследователей, в самом этом замечании не было ничего оскорбительного. Отправляясь на Кавказ, сам Пушкин говорил А.Я. Булгакову, что хочет «узнать ужасы войны, послужить волонтером, может и воспеть все это»¹⁷. Так же воспринимали цель его поездки и благожелательно настроенные современники. «Пушкин при войске Паскевича — по-этом», — сообщал М.П. Погодин С.П. Шевыреву в письме от 31 августа 1830 года, добавляя: «Паскевичем у нас восхищаются»¹⁸. Редактор «Тифлиссских ведомостей» П.С. Санковский, о разговорах с которым Пушкин упоминает во второй главе ПВА, дважды помещал в своей газете заметки, где выражал «приятные надежды» на то, что «любимый поэт наш, свидетель кровавых битв», вскоре

¹⁵ [Торнау Ф.Ф.] Воспоминания о Кавказе и Грузии // Русский вестник. 1869. Т. 79. № 2. С. 416.

¹⁶ Черняев Н.И. «Олегов щит». С. 353—354.

¹⁷ Письма А.Я. Булгакова к его брату, из Москвы в Петербург. 1829 год // Русский архив. 1901. № 11. С. 298 (письмо от 21 марта 1829 г.).

¹⁸ Письма М.П. Погодина к С.П. Шевыреву // Русский архив. 1882. Кн. III. № 5. С. 98, 99.

одарит читателей новыми стихами «из стана военного»¹⁹. По воспоминаниям Н.Б. Потокского (к сожалению, очень мало достоверным), Пушкин говорил Санковскому по возвращении из Арзрума в Тифлис, что «хотел воспеть (?) геройские подвиги наших молодцов кавказцев»²⁰.

Другое дело, что в конечном итоге военные впечатления Пушкина отразились лишь в двух стихотворениях о подлинном «ужасе войны» («Делибаш», «Из Гафиза»), в которых громче всего звучал призыв «не пленяться бранной славой». Ожидаемых «шинельных стихов» он так и не написал, что было воспринято противниками Пушкина как демонстративный отказ от роли певца во стане русских воинов и навлекло на него открытые нападки Булгарина (в «Северной пчеле»²¹) и Надеждина (в «Вестнике Европы»²²), а также затаенную обиду Паскевича²³. В первом черновом варианте предисловия к ПВА, как указал Тынянов²⁴, Пушкин отвечал не столько Фонтанье, сколько своим русским критикам:

В С<еверной> Пчеле неизвестный Аристарх меня побранил не нашутку, ибо, говорил он, мы ожидали не Ев<гения> Онег<ина>, <a> поэмы на взятие Арзрума. Почтенный В<естник> Евр<опы>

¹⁹ Пушкин в прижизненной критике 1828—1830 / Под общей редакцией Е.О. Ларионовой. СПб., 2001. С. 191, 418—419.

²⁰ Встречи с Александром Сергеевичем Пушкиным в 1824 и 1829 гг. Воспоминания Н.Б. Потокского // Русская старина. 1880. Т. XXVIII. № 7. С. 582.

²¹ Северная пчела. 1830. № 5. 11 января; 1830. № 35. 22 марта. Пушкин в прижизненной критике 1828—1830. С. 216, 232.

²² Н.Н. О настоящем злоупотреблении и искажении Романтической Поэзии // Вестник Европы. 1830. Ч. 169. № 2. С. 145—146; М.Н. Русские книги // Вестник Европы. 1830. Ч. 169. № 3. С. 248. Пушкин в прижизненной критике 1828—1830. С. 440—441.

²³ О ней мы знаем из письма Паскевича к В.А. Жуковскому от 2 октября 1831 года, с благодарностью за присылку брошюры «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина». В частности, Паскевич писал: «Прошу вас принять нелицемерную мою благодарность за присланные строфы и сообщить таковую же Александру Сергеевичу Пушкину, столь много обязавшего меня двумя отличными своими сочинениями. Стихи истинно прекрасные и богаты чувствами народной гордости. Сладкозвучные лиры перво-степенных поэтов наших долго отказывались бряцать во славу подвигов оружия. Так померкнула заря достопамятных событий Персидской и Турецкой войн, и голос выспренного вдохновения едва-едва отозвался в Отечестве в честь тогдашних успехов наших. Упрек сей впрочем не относится до вас, ибо и в ту эпоху вы обязали меня поэтическим вниманием. Приятно видеть, что настоящие дела храбрых сильнее возбудили огонь истинной поэзии и возвеличены волшебным талантом певцов, украшающих Россию» (Из бумаг Жуковского // Русский архив. 1875. Кн. III. № 11. С. 369).

²⁴ Тынянов Ю.Н. О «Путешествии в Арзрум». С. 64.

также пороптал на *Левунов*, которые не пропели успехи нашего оружия.

Всё это было довольно странно; Какое было им дело [думал я с досадою] до моих путешествий, и неужели непременно был обязан писать именно то, что прикажут [мне] журналисты? (VIII: 2, 1022).

Однако прямая полемика со статьями пятилетней давности могла показаться запоздалой, и, вероятно, поэтому Пушкин решил использовать Фонтанье в качестве единственного козла отпущения, сделав вид, что он возражает на клевету и «обвинение в неблагодарности», а не на «ничтожную критику или литературную брань». Эта уловка позволила Пушкину решить несколько важных задач. Во-первых, он дискредитировал патриотические претензии своих реальных противников, обнаруживая их сходство со взглядами невежественного француза, известного своим русофобством; во-вторых, конструировал контекст, в котором появление ПВА выглядело бы актуальным и необходимым актом; в-третьих, маскировал истинную творческую историю ПВА, выдавая (обратим внимание на использование многозначного глагола «выдать» в последнем предложении предисловия) только что написанную книгу за аутентичные «путевые записки» 1829 года, не предназначенные для печати и вынужденно преданные гласности в ответ на измышления Фонтанье.

Элементы мистификации в предисловии заставляют подозревать, что книга Фонтанье на самом деле явилась не столько поводом для публикации ПВА, как представляет дело Пушкин, сколько одной из побудительных причин его написания в форме полуфигтивных «путевых записок». Скорее всего, Пушкина возмутили отнюдь не процитированные им пассажи Фонтанье, а то, как «посвоему» описывает автор арзрумский поход. Намек на это содержится в пушкинском кратком изложении основных событий похода, заканчивающемся ироническим замечанием: «...все это, увенчанное полным успехом, может быть и чрезвычайно достойно посмеяния военных людей (каковы, например, г. купеческий консул Фонтанье, автор путешествия на Восток)...» Пушкин издевается здесь не над опрометчивыми действиями Паскевича, а над некомпетентными суждениями Фонтанье, которым имплицитно противопоставляется оценка военных специалистов, известная современникам. В библиотеке Пушкина сохранился французский перевод военно-исторического исследования прусского генерала, барона Георга-Вильгельма фон Валентини «Трактат о войне против турок», последняя глава которого посвящена кампаниям 1829 го-

да²⁵. Фон Валентини с похвалой отзывается о нестандартных наступательных операциях армии Паскевича, особо отмечая ее исключительно высокую маневренность, слаженные действия всех служб и, главное, правильный выбор целей для стремительных ударов, позволивших разбить превосходящие силы противника. «Из его отчета, — писал английский рецензент «Трактата», — нельзя не заключить, что генералы с обеих сторон продемонстрировали большее искусство, а солдаты — большую храбрость, что русские преодолели большие трудности, с меньшими средствами и ресурсами, что сражения были более упорными и что победа на азиатском фронте далась русским с большими усилиями, чем на европейском. В самом деле, наш автор позволяет себе выражения восторга, только когда речь заходит о Паскевиче»²⁶. В противоположность военному историку, Фонтанье всячески принижает достижения русской армии, представляя арзрумский поход легкой прогулкой по чужой земле. Его насмешки над боевыми победами, вероятно, и спровоцировали Пушкина, бывшего свидетелем вполне кровавых сражений, на замаскированный ответ. Неформальному «отчету», основанному, по утверждению автора, на поздних устных свидетельствах участников войны и претендующему на истину в последней инстанции, он противопоставляет столь же неформальные «записки» очевидца, якобы синхронные событиям, подлинный «документ», который должен опровергнуть рассказ глумливого «купеческого консула».

Особое внимание Пушкин уделяет тем анекдотам, которые Фонтанье, очевидно, передает со слов своих русских собеседников. О том, как воспринимал Пушкин контакты такого рода, мы знаем из его письма к П.А. Вяземскому от 27 мая 1826 года, где он писал:

Мы в сношениях с иностранцами не имеем ни гордости, ни стыда — при англичанах дурачим Василья Львовича; пред М^{ме} de Staël заставляем Милорадовича отличиться в мазурке. Русской ба-

²⁵ *Traité sur la guerre contre les turcs. Traduit de l'allemand du Lieutenant-General Prussien Baron de Valentini.* Berlin, 1830. P. 351—396 (*Библиотека Пушкина*. С. 355. № 1471). В каталоге пушкинской библиотеки Б.Л. Модзалевский указал, что страницы 353—397 в книге разрезаны, но их содержание передал неверно, как «описание войны в Азиатской Турции и на Кавказской линии в 1828 году». Видимо, из-за этого «Трактат» фон Валентини никогда прежде не связывали с ПВА. Не учтен он и в новейшем обзоре разноречивых оценок действий русской армии во время арзрумской кампании. См.: *Bitis A. Russia and the Eastern Question: Army, Government, and Society 1815—1833.* Oxford University Press, 2006. P. 323.

²⁶ *The Foreign Quarterly Review.* 1832. Vol. XIII. № 25. P. 177—178.

рин кричит: Мальчик! забавляй Гекторку (датского кобеля). Мы хохочем и переводим эти барские слова любопытному путешественнику. Всё это попадает в его журнал и печатается в Европе — это мерзко. Я конечно презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство (XIII, 279—280).

Каждый из рассказанных Фонтанье военных анекдотов получает в ПВА неявное, но сильное опровержение. Истории о десяти трофейных волах, которые в официальном донесении превратились в пятьсот, соответствует эпизод, когда «армяне, живущие в горах», приходят в русский лагерь, «требуя защиты от турков, которые три дня назад отогнали их скот»:

Полковник А<нреп>, хорошо не разобрав чего они хотели, вообразил, что турецкий отряд находился в горах, и с одним эскадроном Уланского полка поскакал в сторону, дав знать Р<аевскому>, что 3000 турков находятся в горах. Р<аевский>отправился в след за ним, дабы подкрепить его в случае опасности. Я почитал себя прикомандированным к Нижегородскому полку, и с великою досадою поскакал на освобождение армян. Проехав верст 20, въехали мы в деревню, и увидели несколько отставших уланов, которые спешась, с обнаженными саблями, преследовали нескольких кур. Здесь один из поселян растолковал Р<аевскому>, что дело шло о 3000 волах, три дня назад отогнанных турками, и которых весьма легко будет догнать дни через два. Р<аевский> приказал уланам прекратить преследование кур, и послал полковнику А<нрепу> повеление воротиться. Мы поехали обратно, и, выбравшись из гор, прибыли под Гассан Кале. Но таким образом дали мы 40 верст крюку, дабы спасти жизнь нескольким армянским курицам, что вовсе не казалось мне забавным (VIII, 473).

Анекдот Фонтанье, обвиняющий русскую армию одновременно в угоне скота и в приписках, обнаруживает свою недостоверность при сопоставлении с пушкинским рассказом о досадной неразберихе, где угонщиками оказываются турки, а защитниками армян — русские, чьи прегрешения сводятся лишь к охоте на местных куриц, немедленно пресеченной командиром. Если Фонтанье с чужих слов насмехается над «подвигами» завоевателей, то Пушкин, как участник событий, не находит в нелепом случае, неизбежном в военной сумятице, ничего смешного. Подобным же образом он дает понять, что с его точки зрения бесчестно смеяться над захватом турецких знамен, ибо на них, как он пишет, турки «отпечат-

левают» отрубленные у русских кисти рук, «обмакнув в крови»²⁷, или над медицинским осмотром солдат, потому что в захваченном Арзруме действительно «открылась чума», о чем Фонтанье умалчивает.

Скрытая полемика Пушкина с «Путешествиями на Восток» касалась не только изображения войны, но и более общих вопросов. В книге Фонтанье, при всех реверансах по адресу правительства Николая I, столкновение России и Турции представлено как конфликт двух отсталых варварских империй, двух восточных деспотий, одинаково враждебных современной европейской цивилизации и равнодушных к судьбам христианских меньшинств на пограничных территориях²⁸. Такая точка зрения, исключая Россию из европейского культурного пространства, была для Пушкина категорически неприемлемой. Как отмечал Б.А. Успенский в связи с ПВА,

позиция Пушкина — европоцентристская: он приезжает на Кавказ как представитель европейской цивилизации. Более того: он ощущает себя представителем великой европейской державы, занимающей ведущее положение в мире. Это ощущение появляется в России после войны с Наполеоном: Франции нет более на по-

²⁷ Паскевич придавал большое значение захваченным в бою вражеским знаменам — неизменно упоминал их в победных репортажах и речах, выставлял в лагере для поднятия боевого духа войск, отсылал к государю (см., например: *Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 4: Турецкая война 1828—1829 гг. С. 326), — но, конечно, никогда не опускался до сбора «грязных тряпок». В анекдотах Фонтанье доведено до крайности то несколько скептическое отношение к установленным Паскевичем военным ритуалам, которое отразилось в записках одного из участников кампании, генерала Н.Н. Муравьева-Карского, заметившего, что ценность «великого множества» знамен, отбитых у противника в ходе войны, была на самом деле не столь велика. «Не надобно себе воображать, — писал он, — чтобы знамена сии были так важны и редки у турок как у нас; в нерегулярных войсках у них имеются знамена во всех сотнях, при каждом начальнике. Знамена сии суть ни что иное как сборные знаки... к сохранению же оных не прилагают обыкновенно особого старания и в потере не полагают большой важности» (Первое взятие Русскими войсками города Карса (Июнь 1828 года). Из памятных записок Н.Н. Муравьева-Карского. (Писано в 1831 году) // Русский архив. 1877. Кн. I. С. 339). Любопытно, что Фонтанье, очевидно, был знаком с Н.Н. Муравьевым, так как он благодарит его за помощь в предисловии к «Путешествиям на Восток» 1829 года.

²⁸ В предисловии ко второму тому «Путешествий на Восток» 1829 года Фонтанье писал, что Россия являет собой «смесь азиатского варварства и европейского феодализма» (*Fontanier V.* Voyages en Orient, entrepris par ordre du Gouvernement Français, de l'année 1821 à l'année 1829. Paris, 1829. [Vol. II:] Turquie d'Asie. P. VI. Библиотека Пушкина. С. 233. № 919).

литическом горизонте, Австрия ослаблена, и Европа представлена теперь двумя империями, одержавшими победу над Наполеоном, которые расширяют сферы своего влияния и свои географические границы, — Россией и Англией; обе эти империи ведут колониционную политику на Востоке. Эта колонизация имеет как политический, так и цивилизационный характер: она отвечает историософской концепции Просвещения, основывающейся на идее прогресса; согласно этой концепции все народы идут к одной цели и одни оказываются впереди, другие позади. В рамках этой концепции колонизация оказывается оправданной — она воспринимается как цивилизационный процесс; национальное или культурное своеобразие оказывается этапом в общечеловеческом движении²⁹.

По убеждению Пушкина, Россия далеко обогнала отсталую Османскую империю в этой цивилизационной гонке; более того, она является носителем европейского христианского просвещения, которое представляет собой высшую ступень мирового культурного развития³⁰. Именно поэтому идея Фонтанье о сходстве России и Турции не могла не вызвать у него принципиальное несогласие. Когда Фонтанье, назвав имя «самого известного из русских поэтов», иронически продолжает: «У турок в свите не было бардов, но они начали проповедовать во всех мечетях войну против неверных...», оскорбительным для Пушкина были не слова «бард» и «свита» (в данном контексте вполне нейтральные), но приравнивание просвещенного русского поэта к мусульманским проповедникам.

Полемический отклик на это сопоставление обнаруживается в концовке четвертой главы ПВА, где Пушкин сначала приводит цветистую тираду турецкого паши о сходстве поэта с дервишем, а затем изображает своего «брата»-дикаря:

²⁹ Успенский Б.А. Пушкин и Толстой: тема Кавказа // Успенский Б.А. Историко-филологические очерки. М., 2004. С. 28.

³⁰ О пушкинском осмыслении христианства в историософском ключе см.: Тоддес Е.А. О незаконченной поэме Пушкина «Тазит» // Пушкинский сборник. Псков, 1973. С. 67—68. Цитируя замечания Пушкина об историческом значении христианства в черновом отзыве о втором томе «Истории русского народа» Н. Полевого, в послесловии к опубликованному в «Современнике» очерку «Долина Ажитугай» и в письме к Чаадаеву от 19 октября 1836 года, Е.А. Тоддес показывает, что взгляды Пушкина были близки к суждениям М.П. Погодина и ряда других современников. Те же пушкинские высказывания обсуждает и Б.А. Успенский, который вслед за Е.А. Тоддесом приходит к выводу, что для Пушкина христианство — «это эпоха цивилизованной истории» (Успенский Б.А. Пушкин и Толстой. С. 34—35).

...увидел я молодого человека, полунагого, в бараньей шапке, с дубиной в руке и с мехом (*outré*) за плечами. Он кричал во все горло. Мне сказали, что это был брат мой дервиш, пришедший приветствовать победителей. Его насилу отогнали (VIII, 476).

Согласно Пушкину, между ним и бесноватым азиатом нет и не может быть ничего общего, ибо дервиш находится вне европейского культурного пространства. Истинным же азиатским «братом» русского европейца оказывается персидский поэт Фазил-хан, чья встреча с Пушкиным на Военно-Грузинской дороге описана в первой главе ПВА:

Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазил-Хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостью порядочного человека! «Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он жалел, что знакомство наше будет непродолжительно и проч.» Со стыдом принужден я был оставить важно-шутливый тон, и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперед не стану судить о человеке по его бараньей *papaxe* и по крашеным ногтям (VIII, 452—453).

«Чужой» признается за «порядочного человека»³¹ и, следовательно, за равного, только если он владеет универсальным языком европейской просвещенности, на котором виртуозно изъясняется автор ПВА.

На вызов Фонтанье Пушкин отвечает полуподложными «путевыми записками», которые постоянно подчеркивают его (и свою)

³¹ Тынянов утверждал, что «порядочный человек — здесь дословный перевод, замена английского слова *gentleman* и французского *gentilhomme*» (Тынянов Ю.Н. О «Путешествии в Арзрум». С.68), что неверно. Пушкин использует один из возможных эквивалентов французского выражения *l'honnête homme* в значении, которое было принято у просветителей. В «Энциклопедическом словаре» Дени Дидро объясняет: «*l'honnête homme* [est] celui qui ne perd de vue dans aucune de ses actions les principes de l'équité naturelle ... *l'honnête homme* rend la justice même à son ennemi. *L'honnête homme* est de tout pays» (Diderot D. Dictionnaire encyclopédique // Oeuvres de Denis Diderot. Paris, 1818. Т. II. 1re partie. P. 163; букв. пер.: «Порядочный (честный) человек есть тот, кто в любых своих действиях остается верен принципу естественной справедливости. ... *Порядочный (честный) человек* воздаст должное даже врагу. *Порядочный (честный) человек* не имеет национальности»). Иными словами, «порядочный человек» — это моральная, а не социальная категория; им считается свободный от предрассудков, разумный, справедливый и терпимый человек любой страны и любого сословия, всегда и во всем соблюдающий всеобщий, данный нам от природы или Бога нравственный закон.

«европейскость». В Ларсе вместе с каким-то французским путешественником он вспоминает «пирования Илиады»; в Тифлисе радуется домам «европейской архитектуры» и посещает немецкую колонию; в военном лагере наслаждается плодами «европейской роскоши» — «английским пивом и шампанским, застывшим в снегах таврийских»; среди «азиатского свинства» в Арзруме шеголяет во фраке; при посещении гарема осознает себя одним из редких европейцев, кому удалось проникнуть в святая святых Востока; а при виде зачумленных ощущает свою «европейскую робость»³². Как давно отметили П.М. Бицилли и В.Л. Комарович, по принципам отбора материала и стилю ПВА ориентировано на западноевропейский образец — путевые записки Шатобриана³³. В повествовании обращают на себя внимание иноязычные вкрапления, которые должны свидетельствовать о широкой европейской образованности автора: Пушкин цитирует по-латыни две оды Горация, а по-английски — «Погребение сэра Джона Мура» Чарльза Вулфа³⁴ и «Лалла Рук» Томаса Мура; приводит французские реплики Грибоедова и Паскевича; вставляет в концовки русских фраз французское «de la liberté grande» и итальянское «e sempre bene». Показатель-

³² Нельзя согласиться с концепцией американской исследовательницы М. Гринлиф, согласно которой Пушкин уехал из России на Кавказ, чтобы испытать состояние лиминальности (см.: *Greenleaf M. Pushkin and Romantic Fashion. Fragment, Elegy, Orient, Irony. Stanford, 1994. P. 141—142; Гринлиф М. «Путешествие в Арзрум»: Поэт у границы // Современное американское пушкиноведение. Сборник статей. СПб., 1999. С. 277—278*). Как известно, по Виктору Тернеру лиминальность есть переходное состояние в процессе инициации, подразумевающее полный отказ от прежнего социального статуса и его символических атрибутов (одежда, пища, жилище и т.п.), тогда как Пушкин с начала и до конца путешествия сохраняет свою идентичность просвещенного русского европейца.

³³ См.: *Бицилли П. «Путешествие в Арзрум» // Белградский пушкинский сборник. Под ред. Е.В. Анненкова. Белград, 1937. С. 247—264; Комарович В.Л. К вопросу о жанре «Путешествия в Арзрум» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. [Вып.] 3. С. 326—338*. В отличие от Бицилли, Комарович считал, что Пушкин пародирует Шатобриана, хотя приведенные им примеры этого не подтверждают.

³⁴ Прочитанное в первой главе ПВА стихотворение первоначально печаталось в Англии анонимно, некоторое время приписывалось Байрону и было включено в то франкфуртское издание сочинений последнего, которое Мицкевич подарил Пушкину (*The Works of Lord Byron Complete in One Volume. Francfort O.M., 1826. P. 650. Библиотека Пушкина. С. 182. № 697*). Поэтому у нас есть все основания полагать, что Пушкин считал автором стихотворения не Вулфа, а Байрона. Подробнее об этом см. мою заметку «Байроновский след в книге Пушкина “Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года”» (*Memento vivere: Сб. памяти Л.Н. Ивановой / Сост. и научн. ред. К.А. Кумлан и Е.Р. Обатнина. СПб., 2009. С.122—131.*).

но, что почти все аллюзии в тексте отсылают не к специфически русской, а к общеевропейской культурной энциклопедии — к Рембрандту и популярному в романтическую эпоху итальянскому художнику Сальваторе Роза, к «Ринальдо Ринальдини», роману о благородном разбойнике немецкого писателя Х.А. Вульпиуса, к эпизоду из «Приключений Хаджи-Бабы из Исфагана в Англии» англичанина Джеймса Мориера и т.п.

По точному наблюдению В.А. Кошелева, в ПВА «Пушкин описывает “азиатское свинство” глазами путешествующего европейца — и на европейцев постоянно ссылается»³⁵. Как кажется, он стремился к тому, чтобы его «путевые записки» воспринимались в контексте известных западных путешествий по Кавказу и Закавказью, о чем в первую очередь говорит выбор источников для ПВА. До сих пор были доподлинно установлены четыре книги, откуда Пушкин почерпнул не только географические, краеведческие и этнографические сведения, но и отдельные яркие подробности. Из них лишь одна — опубликованные анонимно записки Н.А. Нефедьева³⁶ — написана русским путешественником. Остальные три — это упомянутое в тексте «путешествие графа И. Потоцкого»³⁷, указанная Тыняновым книга французского консула в Тифлисе Жана-Франсуа Гамба³⁸, и, наконец, богатые интересными деталями пись-

³⁵ Кошелев В.А. Историсофская оппозиция «Запад-Восток» в творческом сознании Пушкина // Пушкин и мир Востока. М., 1999. С. 167.

³⁶ [Нефедьев Н.А.] Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году. Москва, 1829 (*Библиотека Пушкина*. С. 67. № 252). Источник был установлен М.О. Гершензоном (см.: Гершензон М.О. «Путешествие в Арзрум» (1829—1830) // Гершензон М.О. Статьи о Пушкине. М., 1926. С. 50—59), а имя автора — тбилиским исследователем Вано Шадури (см. его монографии: Друг Пушкина А.А. Шишков и его роман о Грузии. Тбилиси, 1951. С. 8, 307; Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958. С. 441; Пушкин и грузинская общественность. Тбилиси, 1966. С. 105).

³⁷ *Comte Jean Potocki*. [Т. I] Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. [Т. II] Histoire primitive de peuples qui ont habité antérieurement ces contrees. Nouveau periple du Pont-Euxin. / Ouvrages publics et accompagnes de notes et de tables par M. Klaproth, Membre des Sociétés Asiatiques de Paris, de Londres et de Bombay. Paris, 1829 (*Библиотека Пушкина*. С. 314. № 1279). Два заимствования были отмечены Тыняновым (О «Путешествии в Арзрум». С. 69—70), который, по-видимому, пользовался экземпляром с неверно вклеенными титульными листами и потому везде ошибочно ссылается на второй том издания вместо первого.

³⁸ *Voyage dans la Russie méridionale, et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824; par le chevalier Gamba, consul du Roi a Tiflis. Deuxieme edition. Paris, 1826. См.: Тынянов Ю.Н. О «Путешествии в Арзрум». С. 70—71.*

ма американских миссионеров Эли Смита и Харрисона Дуайта, недавно введенные в научный обиход Н.Е. Мясоедовой³⁹.

Мы можем назвать имя еще одного западного автора, на которого Пушкин глухо сослался в уничижительном описании Арзрума:

...никакого вкуса, никакой мысли... Один путешественник пишет, что изо всех азиатских городов в одном Арзруме нашел он башенные часы, и те были испорчены (VIII, 478).

Этим путешественником был не кто иной, как Виктор Фонтанье, который в первой книге «Путешествий на Восток» писал об Арзруме:

C'est la seule ville de Turquie où j'aie trouvé une horloge; à la vérité elle ne va pas, quelque peine que l'on se donne pour la faire marcher⁴⁰.

[Это единственный город Турции, где я нашел башенные часы; правда, они не ходят, сколько бы их ни старались починить.]

³⁹ Missionary Researches in Armenia: including a Journey through Asia Minor, and into Georgia and Persia, with a visit to the Nestorian and Chaldean Christians of Oormiah and Salmas. By Eli Smith and H.G.O. Dwight, Missionaries from the American Board of Missions. To which is prefixed A Memoir on the Geography and Ancient History of Armenia, by the Author of «The modern Traveller». London, 1834 (*Библиотека Пушкина*. С. 339. № 1394). См.: Мясоедова Н.Е. «Подвиг честного человека». СПб., 2004. С. 171—174. Смит и Дуайт приехали в Арзрум из Константинополя в марте 1830 г., во время вывода русских войск с временно оккупированной турецкой территории и массовой депортации армян, и оттуда отправились в Тифлис тем же маршрутом, который описан в ПВА, но только в обратном направлении. Во второй, четвертой и пятой главах ПВА обнаруживается более десяти прямых заимствований из книги миссионеров, причем в работе Мясоедовой отмечена лишь часть из них. Например, пушкинская ссылка на французского путешественника XVII в. Турнфора явно взята у Смита и Дуайта. Ср.: «...товаров в нем [Арзруме] продается мало, их здесь не выкладывают, что заметил и Турнфор, пишущий, что в Арзруме больной может умереть, за невозможностью достать ложку ревеня, между тем как целые мешки одного находятся в городе» (VIII, 477). «Little is seen of them [goods] ... as almost every bale of goods passes unopened, and the articles bought and sold here are of small value. The same was true in the days of Tournefort ... for he says, a patient might die for the want of a dose of rhubarb, although there were bales of it in the city» (Missionary Researches in Armenia. P. 67; букв. пер.: «Их [товаров] на виду мало ... потому что почти каждая партия товара проходит [через Арзрум] нераскрытой, а предметы, которые здесь продаются и покупаются, большой ценности не представляют. Так обстояло дело и во времена Турнфора... ибо он говорит, что больной мог умереть из-за невозможности достать порцию ревеня, хотя в городе имелись мешки одного»).

⁴⁰ Fontanier V. Voyages en Orient, entrepris par ordre du Gouvernement Francais, de l'annee 1821 a l'annee 1829. [Vol. II:] Turquie d'Asie. P. 56.

Из трех томов «Путешествий» Фонтанье Пушкин заимствует только одно мелкое наблюдение и, заменив Турцию на Азию, превращает его в символ всего азиатского Востока как косного мира, где остановилось время. В Арзруме, рассказывает Фонтанье, его много раз просили починить испорченные башенные часы, ибо турки принимают любого европейца за механика. Когда Пушкин гулял по Арзруму, турки то и дело подзывали его и показывали ему язык, ибо они, как он замечает, «принимают всякого франка за лекаря»⁴¹. По отношению к азиатскому варварству «самый известный из русских поэтов» и французский «купеческий консул» в равной степени «франки», то есть люди единой европейской цивилизации, у которых больше общего, чем различного. Именно это Пушкин и хотел подчеркнуть в полемике с французским знатоком Востока и «клеветником России».

⁴¹ Некоторые исследователи ошибочно полагают, что франк здесь значит француз (ср., например, утверждение М. Гринлиф, что Пушкина во время путешествия «регулярно принимают за француза»: *Greenleaf M. Pushkin and Romantic Fashion*. P. 141), тогда как еще в комментарии Ю.Н. Тынянова к ПВА объяснялось, что франками на Ближнем Востоке называли всех европейцев (*Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в шести томах / Под ред. М.А. Цявловского*. Т. 4. С. 792).

ЕВРОПА В РОССИИ

Сборник статей

Кафедра славистики Университета Хельсинки
Новое литературное обозрение
2010